

УДК 81'373.612.2

ББК Ш103.1

ГСНТИ 16.21.07

Код ВАК 10.02.19

Э. В. Будаев

Нижний Тагил

СТАНОВЛЕНИЕ КОГНИТИВНОЙ ТЕОРИИ МЕТАФОРЫ

View metadata, citation and similar papers at core.ac.uk

brought to you by **CORE**

provided

мен взаимодействия языка, мышления и культуры. Исследуется влияние концептуальной метафоры на развитие разных научных идей. Рассматриваются различные подходы к теории концептуальной метафоры.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: когнитивная лингвистика; метафоричность мышления; теория концептуальной метафоры; структурные метафоры; сфера-источник; сфера-мишень; бленд.

E. V. Budaev

Nizhny Tagil

DEVELOPMENT OF COGNITIVE THEORY OF METAPHOR

ABSTRACT. *Metaphor is viewed upon as a phenomenon of interaction of language, thinking and culture. Influence of conceptual metaphor on development of scientific ideas is discussed. Different approaches to the theory of conceptual metaphor are described.*

KEY WORDS: *cognitive linguistics; metaphorical thinking; theory of conceptual metaphor; structural metaphors; source-sphere; target-sphere.*

Три десятилетия назад в сфере исследовательского интереса гуманитарных наук оказались когнитивные структуры и механизмы оперирования этими структурами. Впоследствии этот процесс получил название когнитивной революции (cognitive revolution), когнитивного поворота (cognitvne turn), приведшего к возникновению когнитивной науки (когнитологии, когитологии), которая ставит своей целью исследовать

© Будаев Э. В., 2007

как процессы восприятия, категоризации, классификации и осмысления мира [Болдырев 2001: 8], так и системы репрезентации и хранения знаний [Кубрякова 1994: 34]. Когнитивная лингвистика – направление, «в центре внимания которого находится язык как общий когнитивный механизм» [Демьянков 1995: 304] и когниция «в ее языковом отражении» [Рудакова 2002: 10].

Центральное место в когнитивной лингвистике занимает проблема категоризации окружающей действительности, важную роль в которой играет метафора как проявление аналоговых возможностей человеческого разума. Метафору в современной когнитивистике принято определять как *(основную) ментальную операцию, как способ познания, категоризации, концептуализации, оценки и объяснения мира*. Мы взяли в скобки слово *основную*, потому что, как будет показано ниже, не все исследователи когнитивной метафоры придают ей статус именно **основной** операции.

Основными предпосылками когнитивного подхода к исследованию метафоры стали положение о ее ментальном характере (онтологический аспект) и познавательном потенциале (эпистемологический аспект).

На феномен метафоричности мышления обращали внимание Д. Вико, Ф. Ницше, А. Ричардс, М. Бирдсли, Х. Ортега-и-Гассет, Э. МакКормак, П. Рикер, Э. Кассирер, М. Блэк, М. Эриксон и другие исследователи (работы многих из них представлены в сборнике «Теория метафоры» [1990]). В 1967 году М. Осборн указывал на то обстоятельство, что человек склонен метафорически ассоциировать власть с верхом, а все нежелательные символы помещать внизу пространственной оси, что, по сути, соответствует классу ориентационных метафор в теории концептуальной метафоры [Osborn 1967]. В разработанной им же теории архетипичных метафор просматриваются истоки современной теории «телесного разума». Относительным аналогом концептуальных метафор можно считать метафорические кластеры как способ описания системности политических метафор у Д. Джамисон [Jamieson 1980].

Отечественному читателю малоизвестны работы американского ученого Дж. Джейнса. Занимаясь проблемой гене-

зиса и эволюции человеческого сознания, Дж. Джейнс предложил оригинальную гипотезу об исторической динамике функциональной асимметрии человеческого мозга, отраженной в письменных источниках различных исторических эпох. В 1976 году исследователь выпустил книгу «The Origin of Consciousness in the Breakdown of the Bicameral Mind», в которой отдельная глава была посвящена метафорам, что отражает ту роль, которую ученый отводил метафоре в формировании когнитивной системы человека [Jaynes 1976]. Дж. Джейнс связывал эволюцию сознания со способностью к метафоризации и считал, что, метафора – это способ расширения нашего понимания мира, экспансии человеческого сознания. Как отмечал Дж. Джейнс, «абстрактные концепты формируются с помощью конкретных метафор» [1976: 50], но большинство людей не осознает метафоричности многих слов – «слова, обозначающие абстрактные понятия, как древние монеты, чье изображение стерлось от частого использования» [1976: 51]. По Дж. Джейнсу, понять – это значит найти хорошую метафору, подобрать хорошо знакомый и связанный с нашими сенсорными ощущениями образ для осмысления неизвестного и малопонятного.

Все рассмотренные исследования способствовали становлению когнитивного подхода к метафоре, но именно в книге Дж. Лакоффа и М. Джонсона «Metaphors We Live by» [1980] была разработана теория, которая привнесла системность в описание метафоры как когнитивного механизма и продемонстрировала большой эвристический потенциал применения теории в практическом исследовании. Авторы постулировали, что метафора не ограничивается лишь сферой языка, что сами процессы мышления человека в значительной степени метафоричны. Метафора как феномен сознания проявляется не только в языке, но и в мышлении, и в действии. «Наша обыденная понятийная система, в рамках которой мы думаем и действуем, по сути своей метафорична» [Лакофф, Джонсон 2004: 25]. Такой подход позволил окончательно вывести метафору за рамки языковой системы и рассматривать ее как феномен взаимодействия языка, мышления и культуры. В более поздней работе «The Contemporary Theory of Metaphor» Дж. Лакофф строго разгра-

ничил метафорическое выражение и концептуальную метафору, подчеркивая, что «локус метафоры – в мысли, а не в языке» [Lakoff 1993: 203].

Согласно теории концептуальной метафоры в основе метафоризации лежит процесс взаимодействия между структурами знаний (фреймами и сценариями) двух концептуальных доменов – сферы-источника (source domain) и сферы-мишени (target domain). В результате однонаправленной метафорической проекции (metaphorical mapping) из сферы-источника в сферу-мишень сформировавшиеся в результате опыта взаимодействия человека с окружающим миром элементы сферы-источника структурируют менее понятную концептуальную сферу-мишень, что составляет сущность когнитивного потенциала метафоры. Базовым источником знаний, составляющих концептуальные домены, является опыт непосредственного взаимодействия человека с окружающим миром, причем диахронически первичным является физический опыт, организующий категоризацию действительности в виде простых когнитивных структур-«схем образов». Метафорическая проекция осуществляется не только между отдельными элементами двух структур знаний, но и между целыми структурами концептуальных доменов. Предположение о том, что при метафорической проекции в сфере-мишени частично сохраняется структура сферы-источника, получило название гипотезы инвариантности (Invariance Hypothesis) [Lakoff 1990, Turner 1990]. Благодаря этому свойству становятся возможными метафорические следствия (entailments), которые в метафорическом выражении эксплицитно не выражены, но выводятся на основе фреймового знания. Таким образом, когнитивная топология сферы-источника в некоторой степени определяет способ осмысления сферы-мишени и может служить основой для принятия решений и действия.

Конвенциональные метафорические соответствия между структурами знаний (концептуальные метафоры) согласованы с определенной культурой и языком. Например, концептуальная метафора ARGUMENT IS WAR (СПОР – ЭТО ВОЙНА) согласована с базовыми ценностями культуры носителей английского языка. Метафора не столько средство описания спора в понятиях войны, сколько устойчивый способ осмысле-

ния спора: можно проиграть или выиграть спор, оппонент воспринимается как противник, спорящие разрабатывают стратегии, занимают позиции, «расстреливают» (shoot down) аргументы противника и т.д. Вместе с тем можно «представить культуру, в которой спор рассматривается как танец, участники – как танцоры, а цель заключается в гармоническом и эстетически привлекательном танце», а не в победе над противником [Лакофф 2004: 26-27]. Концептуальные метафоры «являются неотъемлемой частью культурной парадигмы носителей языка» [Lakoff 1993: 210], укоренены в сознании людей и настолько привычны, что нередко не осознаются как метафоры.

В типологии американских исследователей концептуальные метафоры разделяются на три основные группы: структурные, онтологические и ориентационные. В структурных метафорах когнитивная топология сферы-мишени является моделью для осмысления сферы-мишени (ARGUMENT IS WAR), онтологические метафоры категоризируют абстрактные сущности путем очерчивания их границ в пространстве (MIND IS MACHINE) или с помощью персонификации (*Inflation is eating up our profits*), ориентационные метафоры отражают оппозиции, в которых зафиксирован наш опыт пространственной ориентации в мире (GOOD IS UP, BAD IS DOWN).

Многообразие современных исследований по концептуальной метафоре свидетельствует не только о непрекращающемся, но и растущем интересе к теории Дж. Лакоффа и М. Джонсона. Утверждение о том, что концептуальные метафоры охватывают всю сферу человеческого опыта и обладают значимым когнитивным потенциалом, на сегодняшний момент подкрепляется многочисленными исследованиями концептуальной метафоры, охватывающими практически большинство сфер человеческой деятельности.

Сфера применения эвристик этой теории постоянно расширяется за счет включения в научные изыскания материалов все большего количества языков: примером могут служить публикации, посвященные арабским или китайским метафорам. Еще одно направление развития названной теории – это обращение к метафорическому потенциалу невербальных семиотических систем, т.е. исследование концепту-

альной метафоры в карикатуре, жестах и в визуальном ряде креолизованных текстов.

Пересматривается традиция ограничивать роль метафоры в философии и науке. Хотя когнитивная метафора обычно и противопоставляется традиционному пониманию феномена, возводимому к Аристотелю, исследователи все чаще отмечают, что именно Аристотель первым указал на познавательный потенциал метафоры. Философы последующих поколений не обратили должного внимания на указанную Аристотелем способность «метафоры проникать в сущность вещей» [Лакофф 2004: 213], а «представители естественных наук относились к метафоре пренебрежительно, как лежащему за пределами грамматики средству, характеризующему неряшливое мышление, а не как к законному теоретическому инструменту» [МакКормак 1990: 372]. На настоящий момент широкое распространение получили исследования когнитивного потенциала метафоры в получении научного знания. Влияние концептуальной метафоры на развитие научных идей исследовалось применительно к самой философии, а также биохимии, истории, математике, педагогике, политологии, психологии, генетике, экономике и многим другим научным направлениям.

Особенное распространение получили исследования концептуальной метафоры в сфере политической коммуникации. Перспективы применения когнитивных эвристик к политическому дискурсу были намечены Дж. Лакоффом и М. Джонсоном [1980]. Помимо общей характеристики теории концептуальной метафоры, американские исследователи рассмотрели следствия военной метафоры Дж. Картера и показали, что, казалось бы, совершенно лишенная эмоциональной оценки метафора ТРУД – ЭТО РЕСУРС позволяет скрывать антигуманную сущность экономической политики государств, как с рыночной, так и с тоталитарной экономикой.

Положение о том, что субъект склонен реагировать не на реальность как таковую, а, скорее, на собственные когнитивные репрезентации реальности, приводит к выводу, что и поведение человека непосредственно определяется не столько объективной реальностью, сколько системой репрезентаций человека. Из этого следует, что выводы, которые мы делаем

на основе метафорического мышления, могут формировать основу для действия. Это во многом объясняет повышенный интерес современных исследователей к концептуальной метафоре в сфере политической коммуникации (А. Н. Баранов, Д. Берхо, Т. С. Вершинина, Р. Дирвен, П. Друлак, Р. Каган, Ю. Н. Караулов, А. А. Каслова, Х. Келли-Холмс, В. Кеннеди, И. М. Кобозева, В. Кристоф, Дж. Лакофф, Дж. Лавтон, М. Луома-ахо, Дж. Люл, Дж. Милликен, С. Н. Муране, А. Мусолфф, В. О'Реган, Р. Пэрис, Е. Рефайе, Т. Рорер, А. Б. Ряпосова, О. Санта Ана, Н. А. Санцевич, Е. Семино, Т. Г. Скребцова, А. В. Степаненко, А. М. Стрельников, Дж. Торнборроу, Ю. Б. Феденева, И. Хеллстен, Р. Хюльсе, А. Ченки, П. Чилтон, Н. М. Чудакова, А. П. Чудинов, Й. Цинкен, О. А. Шаова, К. Шеффнер и др.). Подробный анализ современных исследований по концептуальной метафоре в политическом дискурсе представлен в [Будаев, Чудинов 2006].

Исследователей политической метафоры интересуют два типа корреляции метафорических выражений и сознания человека. С одной стороны, корпусные исследования метафор позволяют выявить структуры «коллективного подсознательного», которые не выражены эксплицитно. Например, А. Н. Баранов с помощью метафорического анализа показал, что, несмотря на эксплицитное неодобрение взяточничества, политики и предприниматели используют преимущественно органистическую метафору и воспринимают взяточничество как естественное положение дел [Баранов 2004а]. Этот аспект можно сформулировать как «сознание (подсознательное) определяет метафоры» и соответственно анализ метафор – это анализ концептуальных структур. Вместе с тем прагматический потенциал метафор сознательно используется в политическом дискурсе для переконцептуализации картины мира адресата. Этот подход можно выразить в формуле «метафоры определяют сознание». Первый аспект рельефно проявляется в исследованиях стертых метафор, второй – при анализе ярких, образных метафор, хотя жесткого разграничения, конечно же, нет.

Смена научных представлений об онтологическом статусе метафоры и ее гносеологическом потенциале легли в основу философского уровня когнитивного подхода к мета-

форе, однако при решении вопросов о процедурах обработки знаний и механизме метафоризации, способах репрезентации когнитивных структур и их системности мнения исследователей расходятся. На современном этапе можно выделить несколько взаимодействующих, дополняющих и развивающих друг друга подходов, которые, объединяясь по принципу «фамильного сходства», формируют сложный научный прототип когнитивного подхода к исследованию метафоры: классическая теория концептуальной метафоры [Lakoff, Johnson 1980; Lakoff 1993], теория концептуальной интеграции [Turner, Fauconnier 1995; 2000], теория первичных и сложных метафор [Grady et al. 1996], когерентная модель метафоры [Spellman et al. 1993], модель концептуальной проекции [Ahrens 2002; Chung et al. 2003], коннективная теория метафорической интерпретации [Ritchi 2003a, 2003b, 2004a, 2004b], дескрипторная теория метафоры [Баранов 2003; Баранов, Караулов 1991, 1994], теория метафорического моделирования [Чудинов 2001, 2003] и др.

Несмотря на разнообразие подходов, исследователи до сих пор продолжают развивать и дополнять отдельные положения теории концептуальной метафоры. Так, А. Мусолфф [Musolff 2004] отмечает, что необходимо пересмотреть тот взгляд на концептуальную метафору, при котором структура сферы-источника жестко детерминирует постижение сущностей сферы-мишени и предлагает дополнить теорию концептуальной метафоры понятием концептуальной «эволюции» (conceptual evolution) метафор. Тот факт, что в политическом дискурсе реализуются различные или совершенно противоположные по оценочному смыслу сценарии одной и той же метафорической модели, указывает на необходимость учитывать два взаимодополняющих фактора: экспериенциальную основу (традицию) и «концептуальную гибкость». Другими словами, метафора функционирует в политическом дискурсе, подобно тому, как живой организм, обладающий свойствами наследственности и изменчивости, взаимодействует с окружающей средой, т.е. «эволюционирует» и «выживает» наряду с другими метафорами. По существу, подчеркивается необходимость учета дискурсивных факторов, оказывающих

значительное влияние на функционирование концептуальной политической метафоры.

Отдельное внимание исследователей привлекает осмысление и уточнение постулатов теории «телесного разума». Й. Цинкен [Zinken 2002; 2003], отмечая значимость сенсомоторного опыта человека для метафорического осмысления действительности, подчеркивает, что при анализе метафор важно учитывать культурный, исторический опыт. Выделив в отдельную группу интертекстуальные метафоры (intertextual metaphors), исследователь показал их идеологическую значимость для осмысления политических событий в польском газетном дискурсе. Например, противники вступления Польши в Евросоюз использовали для концептуализации будущего своей страны интертекстуальную метафору *Освенцим* [Zinken 2002: 143], коммунистов в Польше в 1989 г. часто метафорически представляли *завоевателями-крестоносцами* [Zinken 2002: 221-223] и т.п. Такой подход перекликается с идеей финского лингвиста И. Хеллстен о необходимости различать общие структурные метафоры (general structural metaphors) и исторические метафоры (historical metaphors), при порождении которых исторические имена и события проецируются на современные политические ситуации [Hellsten 1997]. Сходную позицию занимает Р. Пэрис [Paris 2004], выделяя в отдельную группу исторические метафоры (historical metaphors).

Модифицированный вариант рассматриваемой концепции предложен Д. Ричи в коннективной теории метафорической интерпретации [Ritchie 2003a, 2003b, 2004a, 2004b]. Принимая тезис о базовой опосредованности мышления телесным опытом, исследователь отмечает, что метафоры необходимо анализировать в когнитивном и коммуникативном контексте, включающем детализированную репрезентацию речевого общения и предшествующий опыт участников коммуникации [Ritchie 2003b]. Интерпретация метафор напрямую связана с фондом общих знаний и убеждений (common ground) участников коммуникации, поэтому для исследователя важно учитывать этот аспект при рассмотрении интеракции сферы-источника и сферы-мишени. Каждая метафора интерпретируется в специфичном, уникальном коммуника-

тивном контексте, и индивидуальные интерпретации могут значительно варьироваться [Ritchi 2004a, 2004b]. Более сложный характер, по мнению исследователя, носят отношения между концептуальными доменами. Например, «война» – это не обязательно первичный концепт при осмыслении спора. Существует сложный спектр интерпретаций спора (от простых дискуссий через соперничество до тотальной войны). Рассматривая такие метафоры, как «defend», «position», «maneuver», or «strategy», невозможно априори определить, относится ли подразумеваемое к войне, соревнованию атлетов или игре в шахматы. Подобные метафоры отображают когнитивные ответы на прототипические ситуации, а не проекцию одного концепта на другой [Ritchi 2003a].

Подход к концептуальной метафоре в Люблинской этнолингвистической школе проанализирован в работе Й. Цинкена [Zinken 2004]. Автор обсуждает возможность разработки лингвокогнитивной теории метафоры, объединяющей антропологический и когнитивный ракурсы в изучении языка, и указывает на необходимость учета социокультурных условий функционирования языка и когниции, что означает включение в поле интересов исследователя реконструкции языковых картин мира, анализа социальных (национальных, профессиональных, гендерных и др.) стереотипов, количественного анализа, широкого культурного контекста.

Подвергается пересмотру тезис об однонаправленности метафорической проекции. Так, группа исследователей из Бирмингемского университета указывает на то, что при анализе междоменных корреляций (*inter-domain influences*) в концептуальной метафоре следует учитывать обратное влияние (*reverse influence*) сферы-цели на сферу-источник, которое наиболее очевидно проявляется в вопросах и командах [Barnden et al. 2004]. С. Коулсон отмечает, что возможны метафоры, в которых сфера-мишень служит основанием для обратного осмысления сферы-источника, иллюстрируя это положение на примере анализа метафорической номинации компьютерного вируса «Братья Менендес». Братья Менендес убили своих родителей, и по праву наследования им полагалось значительное состояние. На открытом судебном процессе они заявили, что долгое время подверга-

лись насилию со стороны родителей, а убийство было самообороной (родители в момент убийства были безоружны, а оба брата были в возрасте старше 20 лет). Компьютерный вирус «Братя Менендес», уничтожая файлы, оповещает пользователя о том, что он был жертвой физического и сексуального насилия со стороны уничтоженных файлов. С одной стороны, вирус – мишень для метафорической проекции, с другой – содержит в себе инференции, оценочные интерпретации реального случая с братьями Менендес [Poulson 1996: 143-158].

Как отмечает А. Н. Баранов, не всегда концепты сферы-мишени более конкретны, чем концепты сферы-источника (например, метафоры со сферами-источниками ЛИТЕРАТУРА, СВЕРХЪЕСТЕСТВЕННЫЕ СУЩЕСТВА, ИСТОРИЯ). В таких случаях следует говорить не о прояснении, а о переструктурировании сферы-мишени. Вместе с тем «в целом следует признать верным, что ядро метафорической системы образуют метафоры, отвечающие сформулированному тезису об однонаправленности» [Баранов 2004б: 11].

Большой интерес теория концептуальной метафоры вызвала у исследователей психолингвистического направления. Основные сомнения у психолингвистов возникали по вопросу о том, сопровождается ли актуализация стертых метафор активными операциями над концептуальными доменами и не являются ли подобные метафоры своеобразными клише, пассивно усваиваемые носителями языка. Интересный эксперимент по верификации предположения Дж. Лакоффа о «телесном разуме» и подсознательном характере базовых концептуальных метафор был проведен в Калифорнийском университете в Санта Круз Р. В. Гиббсом и Н. Л. Вилсон [Gibbs, Wilson 2002]. В ходе эксперимента было установлено корреляции между моторикой испытуемых и употреблением антропоморфных метафор. При этом корреляции не варьировались в зависимости от национальности испытуемых (в эксперименте участвовали носители португальского и английского языков – бразильцы и американцы). В этой же публикации авторы рассматривают исследования, подтверждающие взаимовлияния между активацией отвечающих за моторику участков го-

ловного мозга и лингвистическими выражениями, связанными с телесным опытом взаимодействия с окружающим миром.

Альтернативный подход к анализу когнитивной метафоры, известный как теория концептуальной интеграции (теория блендинга), развивается с середины последнего десятилетия прошлого века (Дж. Барнден, С. ван Петтен, Т. Вил, Дж. Грэди, М. Тернер, С. Коулсон, Т. Оукли, Ж. Фоконье и др.). Следует, однако, подчеркнуть, что идею «смешения» концептов обозначил еще А. Ричардс, отмечая, что «когда мы используем метафору, у нас присутствуют две мысли о двух различных вещах, причем эти мысли взаимодействуют между собой внутри одного-единственного слова или выражения, чье значение как раз и есть результат этого взаимодействия» [Ричардс 1990: 46].

Основатели рассматриваемой теории М. Тернер и Ж. Фоконье пришли к выводу, что метафоризация не исчерпывается проекцией из сферы-цели в сферу-мишень, как эксплицировано в теории концептуальной метафоры, а включает в себя сложные динамические интеграционные процессы, создающие новые смешанные ментальные пространства, которые способны в самом процессе концептуальной интеграции выстраивать структуру значения. Когнитивный подход к метафоре в рамках этой теории разрабатывался на основе синтеза теории ментальных пространств Ж. Фоконье (анализ теории см. [Скребцова 2000: 137-146]) и теории концептуальной метафоры, отдельные положения которой подверглись пересмотру [Coulson 1996; Turner, Fauconnier 1995; 2000 и др.]. Прежде всего, М. Тернер и Ж. Фоконье предложили альтернативную двухдоменной модели метафоры (*two-domain model*) модель нескольких пространств (*many-space model*). По мнению исследователей, однонаправленная метафорическая проекция из сферы-источника в сферу-цель представляет собой только частный случай более сложного, динамического и вариативного комплекса процессов, для экспликации которых необходимо ввести в исследование когнитивной метафоры два промежуточных пространства (*middle spaces*). Таким образом, в отличие от двух концептуальных доменов в теории Дж. Лакоффа и М. Джонсона, предлагается рассматривать четыре ментальных пространства: два исход-

ных пространства (input spaces), общее пространство (generic space) и смешанное пространство (blended space) или бленд (blend). Исходные пространства соотносятся со сферой-источником и сферой-целью в теории концептуальной метафоры, хотя количество исходных пространств может быть больше двух.

Ментальные пространства не тождественны концептуальным доменам. Ментальное пространство – это относительно небольшой «концептуальный пакет», который эксплицитно заимствует из концептуального домена только часть структуры и конструируется для понимания конкретной ситуации или действия [Turner, Fauconnier 1995: 184]. Применительно к метафорам исследователи нередко используют понятие «исходный домен» (input domain), что является научным термином-блендом, совмещающим идеи теории концептуальной метафоры и теории концептуальной интеграции.

Общее пространство содержит наиболее абстрактные элементы (роли, фреймы и схемы), присущие обоим исходным пространствам, т.е. выступает основанием метафоризации на самом абстрактном уровне. В бленде «смешиваются» детали исходных пространств, в результате чего образуется качественно новая концептуальная структура, которая больше не зависит от исходных пространств и имеет собственные потенции к дальнейшему развитию. По метафорическому выражению исследователей бленд «живет своей собственной жизнью» [Turner, Fauconnier 2000: 137].

Такой подход можно продемонстрировать на примере некогда популярной в Вашингтоне политической метафоры: «Если бы Клинтон был Титаником, то утонул бы айсберг» [Turner, Fauconnier 2000: 133-134]. В рассматриваемом бленде осуществляется концептуальная интеграция двух исходных ментальных пространств, в котором президент соотносится с кораблем, а скандал с айсбергом. Бленд заимствует фреймовую структуру как из фрейма «Титаник» (присутствует путешествие на корабле, имеющем пункт назначения, и столкновение с чем-то огромным в воде), так и каузальную и событийную структуру из известного сценария «Клинтон» (Клинтон *уцелел*, а не *потерпел крушение*). В рассматриваемом примере общее пространство включает один объект,

вовлеченный в деятельность и побуждаемый к ней определенной целью, который сталкивается с другим объектом, представляющим огромную опасность для деятельности первого объекта. Очевидно, что в общем пространстве результат этого столкновения не предопределен. Междоменная проекция носит метафорический характер, однако смешанное пространство обладает каузально-событийной структурой, не выводимой из фрейма источника. Если метафорические инференции выводятся только из ментального пространства-источника, то Клинтон должен потерять президентский пост. Полученные инференции не выводятся и из пространства-цели. В бленде появляется новая структура: Титаник все-таки не потопляем, а айсберг может утонуть. Эта «невозможная» структура не доступна из исходных пространств, она конструируется в бленде и привносит совершенно новые, но понятные инференции.

Как показывает представленный обзор, когнитивный подход к анализу метафоры занимает ведущее положение в современной метафорологии, но очень многие аспекты когнитивной теории по-прежнему остаются дискуссионными. Предложенная Дж. Лакоффом и М. Джонсоном теория получила широкое признание в мировой науке и нашла многостороннее применение в практических исследованиях, вместе с тем эта теория активно развивается и интерпретируется во многих научных школах и направлениях, получая новые импульсы к эволюции в рамках различных методологических установок.

ЛИТЕРАТУРА

Баранов А. Н. Метафорические грани феномена коррупции // *Общественные науки и современность*. 2004а. № 2.

Баранов А. Н. Предисловие редактора. Когнитивная теория метафоры почти 20 лет спустя // Лакофф Дж., Джонсон М. *Метафоры, которыми мы живем*. М.: Едиториал УРСС, 2004б.

Баранов А. Н. Политическая метафорика публицистического текста: возможности лингвистического мониторинга // *Язык СМИ как объект междисциплинарного исследования*. М., 2003.

Баранов А. Н., Караулов Ю. Н. *Русская политическая метафора*. Материалы к словарю. М., 1991.

- Баранов А. Н., Караулов Ю. Н. Словарь русских политических метафор. М., 1994.
- Болдырев Н. Н. Когнитивная семантика: Курс лекций по английской филологии. Тамбов, 2001.
- Будаев Э. В., Чудинов А. П. Метафора в политическом интердискурсе. Екатеринбург, 2006.
- Демьянков В. З. Когнитивная лингвистика как разновидность интерпретирующего подхода // Вопросы языкознания. 1994. № 4.
- Кубрякова Е. С. Начальные этапы становления когнитивизма: лингвистика – психология – когнитивная наука // Вопросы языкознания. – 1994. № 4.
- Лакофф Дж., Джонсон М. Метафоры, которыми мы живем: Пер. с англ. / Под. ред. и с предисл. А. Н. Баранова. М., 2004.
- МакКормак Э. Когнитивная теория метафоры // Теория метафоры. М., 1990.
- Ричардс А. Философия риторики // Теория метафоры. М., 1990.
- Рудакова А. В. Когнитология и когнитивная лингвистика / Под. ред. И. А. Стернина. Воронеж, 2002.
- Рудакова А. В. Когнитология и когнитивная лингвистика / Под. ред. И. А. Стернина. Воронеж, 2002.
- Скребцова Т. Г. Американская школа когнитивной лингвистики / Послесл. Н. Л. Сухачева. СПб, 2000.
- Теория метафоры : Сб. / Пер. с англ., фр., нем., исп., польск. яз.; Вступ. ст. и сост. Н. Д. Арутюновой. М., 1990.
- Чудинов А. П. Россия в метафорическом зеркале: когнитивное исследование политической метафоры (1991 – 2000): Монография / Урал. гос. пед. ун-т. Екатеринбург, 2001.
- Чудинов А. П. Метафорическая мозаика в современной политической коммуникации: Монография / Урал. гос. пед. ун-т. Екатеринбург, 2003.
- Ahrens K. When Love is Not Digested: Underlying Reasons for Source to Target Domain Pairings in the Contemporary Theory of Metaphor // *Proceedings of the First Cognitive Linguistics Conference* / ed. Yuchau E. Hsiao. Cheng-Chi University, 2002.
- Barnden J.A., Glasbey S.R., Lee M.G., Wallington A.M. Varieties and directions of inter-domain influence in metaphor // *Metaphor and Symbol*. 2004. Vol. 19. № 1.

Chung S., Ahrens K., Sung Y. "STOCK MARKETS AS OCEAN WATER: A Corpus-based, Comparative Study in Mandarin Chinese, English and Spanish // Proceedings of the 17th Pacific Asia Conference on Language, Information and Computation (PACLIC). Singapore, 2003c.

Coulson S. The Menendez Brothers Virus: Analogical Mapping in Blended Spaces // Conceptual Structure, Discourse, and Language / Ed. A. Goldberg. Palo Alto, 1996.

Drulak P. Metaphors and Creativity in International Politics. Discourse Politics Identity // www.lancaster.ac.uk/ias/researchgroups/dpi/docs/dpi-wp3-2005-drulak.doc – 2005.

Gibbs R.W. Jr., Wilson N.L. Bodily action and metaphorical meaning // Style. 2002. Vol. 36 (3).

Grady J., Taub S., Morgan S. Primitive and compound metaphors // Conceptual structure, discourse and language / Ed. A. Goldberg. – Stanford, CA: Center for the study of Language and Information, 1996.

Hellsten I. Door to Europe or Outpost Towards Russia? Political metaphors in Finnish EU journalism // Journalism at the Crossroads: Perspectives on Research / ed. J. Koivisto, E. Lauk. Tartu, 1997.

Jamieson K.H. The Metaphoric Cluster in the Rhetoric of Pope Paul VI and Edmund G. Brown, Jr. // Quarterly Journal of Speech. 1980. Vol. 66.

Jaynes J. The origin of consciousness in the breakdown of the bicameral mind. Boston: Houghton Mifflin, 1976.

Lakoff G. The Contemporary Theory of Metaphor // Metaphor and Thought. / ed. A. Ortony. – Cambridge: Cambridge University Press, 1993.

Lakoff G. The Invariance Hypothesis: Is Abstract Reason Based on Image Schemata? // Cognitive Linguistics. 1990. Vol. 1 (1).

Lakoff G. Metaphor and War. The Metaphor System Used to Justify War in the Gulf // <http://metaphor.uoregon.edu/lakoff-1.htm> – 1991.

Lakoff G., Johnson M. Metaphors We Live by. Chicago, 1980.

Musolff A. Metaphor and Political Discourse. Analogical Reasoning in Debates about Europe. – Basingstoke: Palgrave Macmillan, 2004.

Osborn M. Archetypal Metaphor in Rhetoric: The Light-Dark Family // Quarterly Journal of Speech. 1967. Vol. 53.

Paris R. Kosovo and the Metaphor War // Political Science Quarterly. 2002. Vol. 117. № 3.

Ritchie D. "ARGUMENT IS WAR"- Or is it a Game of Chess? Multiple Meanings in the Analysis of Implicit Metaphors // Metaphor and Symbol. 2003a. Vol. 18. № 2.

Ritchie D. Categories and Similarities: A Note on Circularity // *Metaphor and Symbol*. 2003b. Vol. 18. № 1.

Ritchie D. Common Ground in Metaphor Theory: Continuing the Conversation // *Metaphor and Symbol*. 2004a. Vol. 19. № 3.

Ritchie D. Metaphors in Conversational Context: Toward a Connectivity Theory of Metaphor Interpretation // *Metaphor and Symbol*. 2004b. Vol. 19. № 4.

Spellman B., Ullman J., Holyoak K. A Coherence Model of Cognitive Consistency: Dynamics of Attitude Change During The Persian Gulf War // *Journal of Social Issues*. 1993. Vol. 49.

Turner M. Aspects of the Invariance Hypothesis // *Cognitive Linguistics*. 1990. Vol. 1 (2).

Turner M., Fauconnier G. Conceptual Integration and Formal Expression // *Metaphor and Symbolic Activity*. 1995. Vol. 10. № 3.

Turner M., Fauconnier G. *Metaphor, Metonymy, and Binding // Metaphor and Metonymy at the Crossroads: A Cognitive Perspective / Ed. A. Barcelona. Berlin; New York: Mouton de Gruyter, 2000.*

Zinken J. Ideological Imagination: Intertextual and Correlational Metaphors in Political Discourse // *Discourse and Society*. 2003. Vol. 14. № 4.

Zinken J. *Imagination im Diskurs. Zur Modellierung metaphorischer Kommunikation und Kognition. Dissertation zur Erlangung der Würde eines Doktors im Fach Linguistik. – Bielefeld: Universität Bielefeld, 2002.*